

Арман Клеес¹

СМЕШЕНИЕ КУЛЬТУР

Для современного общества характерно не столкновение, но скорее смешение² культур. То, что сегодня воспринимается как столкновение западного мира и исламского, вероятнее всего, сольется в единой цивилизационной модели. Настоящей угрозой является возможность утратить многообразие культур, вероятность возникновения единой, заурядной, обезличенной цивилизации, элиминирующей различные жизненные уклады, мировоззрения, мировосприятия и жизнеощущения.

Таковому смешению предшествуют угасание, разрушение и разложение мысли и чувства, а также в целом — эмоциональная и интеллектуальная кастрация. Это время торжества прагматизма, грубого утилитаризма, первобытного гедонизма и извращенного эвдемонизма, время, когда все благородное и возвышенное подвергается осмеянию и презрению. Это время охлократии, время обесценивания всего существенного, бездумного нигилизма.

Смешение культур порождает смущение умов. Модель современного общества, которая может стать всеобщей, является эгоистичной и солипсической, обращенной исключительно на себя. В странах Запада этому солипсизму, возможно, способствовало исчезновение религии. Конечно, есть немногие, которые остаются верны призванию, зачастую осуществляемому посредством организаций, обеспокоенных, например, ухудшением состояния природной среды, или нарушением прав человека, или увеличением числа бедных и обездоленных в разных странах и даже частях света. Существуют общественные движения, есть Гринпис, Международная амнистия, остались даже какие-нибудь пацифисты, хотя их чис-

ло стремительно сокращается, существуют защитники прав животных. Но даже большинство из этих на вид благородных и альтруистических движений заботятся только «о нас», «о нашем (ближайшем) будущем». В определенном смысле эти движения являются материалистическими по духу, не движимыми высоким нравственным идеалом. Более того, их приверженность «благой цели» лишена полноты: это или окружающая среда, или права человека, или ядерное разоружение, или животные.

Существуют также псевдопрогрессивные движения, например, такие, которые требуют свободы абортов во имя самоопределения женщины. Они ставят благополучие рожденной женщины выше права на жизнь еще не рожденного, вынашиваемого ею во чреве.

Мы сталкиваемся с потерей духовности человеком и обществом вследствие угасания религиозных чувств³. Ясно одно: поиск функционального эквивалента религии представляется попыткой, обреченной оставаться бесплодной. Напротив, нарастает лишь чувство пустоты, небытия.

Экзистенциализм провозгласил: «Все бессмысленно. Однако я налагаю на себя обязательства во имя некоторых целей, таких как запрет пыток, отмена смертной казни и борьба против неоимпериализма и неокOLONиализма». Под этим подразумевается невысказанный девиз «*Ago quia absurdum est*»⁴ — «Действую, ибо это бессмысленно».

Вот уже некоторое время мы наблюдаем становление так называемой демократической культуры. Она склонна отвергать все элитарное и даже все мужское, а ее незримым критерием стали доступность, соответствие вкусам и запросам всякого: легко заглотить, прожевать, переварить и исторгнуть из себя.

Это всеобщее расслабление и размягчение порождают утрату сущности, царство наглой посредственности. Самозванные специалисты-знатоки, например

¹ Директор Люксембургского института европейских и международных исследований, доктор. Автор и редактор ряда трудов по проблемам европейской и международной политики, в т. ч.: «Отношения Россия—Евросоюз: новые вызовы и возможности», «Жизнеспособность России», «The vitality of China and the Chinese», «Beyond East-West confrontation: searching for a new security structure in Europe», «The vitality of Japan: sources of national strength and weakness», «The Euro as a stabilizer in the international economic system», «Europa auf dem Weg zur Weltordnung?».

² Термин «смешение» (англ. *confusion*) использован здесь в этимологически исконном значении: «слияние» или «соединение». Можно также использовать термины «сращение» или «сращивание» (англ. *concrecence or concretion*), «синкретизм» или «синкретизис» (англ. *syncretism or syncretism*).

³ Я не стану обсуждать здесь увлекательный вопрос о том, что предшествует чему: (исчезающая) религиозная обрядность или (исчезающее) религиозное чувство.

⁴ «Действую, ибо это бессмысленно» (лат.). Ср.: «*Credo quia absurdum est*» (лат.) — «Верую, ибо бессмысленно» — знаменитая максима Тертуллиана (ок. 160 — ок. 220 гг.), одного из наиболее выдающихся раннехристианских писателей и богословов, названного впоследствии «отцом западного христианства». — *Примеч. пер.*

журналисты, оценивают и даже устанавливают качество культурного достижения. Посредственность правит бал во всех областях искусства — в литературе, живописи, музыке. Традиционное «высокое искусство» (пока еще) не отвергнуто, но зачастую грубо попирается. С появлением бесчисленно воспроизводимого искусства исчез и самый его дух¹.

Культура стала составной частью капиталистического производства и его пристрастия к изменчивой моде. Рынок и его настроение определяют качество. Это и есть становление всеобщей культуры, или цивилизации, — поверхностной, безвкусной и обоеполой. Выродившейся суррогатной западной культуре в ее американской, а возможно, вскоре уже в пост-американской стадии суждено стать культурой всего мира.

В определенном смысле искусство стало заурядным, а традиционные стандарты утрачены. Ценность произведения искусства создается искусственно; цена сама стала критерием. Она устанавливается посредством хитроумных рыночных операций и рекламных уловок. Такое положение дел неминуемо ведет к возникновению ничтожных произведений. Культура становится в определенном смысле массовой, плебейской и даже инфантильной. Повсеместно «дурной вкус» состоятельных, эстетически малообразованных людей, в основном из финансовых кругов, определяет правила этого рынка². Заурядная фотография может достичь цены полотна Ван Гога. Некому художественному продукту реклама приписывает определенный статус, и никто не находит в себе мужества воскликнуть: «А король-то — голый!» Это, разумеется, приводит к обесцениванию традиционного искусства.

На взгляд поборников этой «размягченной культуры», радеющих о единообразной культуре и парадоксальным образом именующих себя сторонниками культурного многообразия, остается еще немного препятствий и врагов: традиционный представитель элиты, люди и народы с крепкими культурными корнями и убеждениями, готовые бороться за них. К ним относятся, прежде всего, мусульмане, а также индусы и др.

Несмотря на редкие очаги сопротивления, пандемия размягченной культуры стремительно распространяется и уже захлестнула большую часть Азии, Латинской Америки и Африки. Кажется едва ли не банальным доказывать, что банальное общество может порождать только банальные чувства, банальные мысли и, в конечном счете, банальную культуру.

Великое искусство может проистекать лишь из предельного восторга или глубочайшей скорби, тревоги, отчаяния и нравственных страданий, великих духовных или моральных надломов и надрывов (таких, например, как, гражданская война в Испании). Оно может возникнуть посреди крайнего национального или общественного разложения (например, Австро-Венгерская империя на рубеже веков). Оно

¹ См.: *Benjamin W. Das Kunstwerk im Zeitalter seiner technischen Reproduzierbarkeit* [1936] (Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости) (крат. версия на фр. яз.; полное изд. на нем. яз: Frankfurt am Main; Suhrkamp, 1963).

² Можно назвать это «синдромом Энди Уорхола».

может разгораться как протест против огромной несправедливости или того, что воспринимается как незаслуженное бедствие. Оно может произрастать из избытка жизненных сил или, наоборот, от их дефицита. Оно может оплакивать былую славу или предвосхищать славу грядущую. Оно может возникнуть из отвращения, нравственного или интеллектуального истощения или *tædium vitæ*³, но также из душевного или духовного взлета. Оно может родиться из отвержения существующих норм и поведения или из жажды новых путей.

Великое искусство создавалось людьми, жившими в уютных покоях королевских дворцов, а также изгнанниками и искателями приключений, борющимися за выживание в самых жутких условиях.

Что же в конечном счете порождает высокую культуру и великое искусство? Возможно, это вопрос, на который нет ответа. Не свойственно ли, например, аристократическому обществу (что кажется очевидным фактом) производить больше великих художников, чем демократическому? Может быть, засилье современной посредственности — явление преходящее? Откуда же тогда может возникнуть «великая культура»?

Какова была роль политической системы при возникновении культуры в прошлом? Явилась ли она из чувства прекрасного, ощущения гармонии в Египте, Греции, Италии эпохи Возрождения, из жизненного уклада в таких городах-государствах, как Флоренция, Венеция, Генуя, Роттердам и Брюгге?

Какую роль сыграли религиозный пыл, ощущение божественной благодати, поиски Бога и спасения, стремление к возвышенному и совершенному, жажда бессмертия — и не только в храмовой архитектуре, но и во множестве произведений живописи, в большинстве музыкальных творений (и речь здесь не об одном лишь Бахе)? Художественное творение питалось и чувством прекрасного, и восторгом, и метафизическими страхами.

Что объясняет крайнюю нищету так называемого социалистического искусства? Социалистический художник принужден был производить искусство для масс, искусство, которое удовлетворяло бы рабочих, заурядных людей и которое тем самым принуждено было быть простым, доступным для восприятия. Тоталитарное искусство, какое можно было видеть в нацистской Германии, удовлетворяет вкус безжалостных, но неотесанных правителей и в целом ведет к производству китча.

Возможно, что капитализм, как и социализм, — враг высокой культуры, то есть Соединенные Штаты Америки — так же, как и Советский Союз, и коммунистический Китай. Другими врагами высокой культуры, безусловно, являются эгалитаризм с его недоверием к гениальности или феминизм с его ненавистью к искусству, в котором «главствует мужчина».

Высокое искусство проистекало из трепета, смирения, стыдливости, скромности (*лат. pudor, verecundia, erubescencia*); оно было рождено чувством святости, чистоты, величия, стремлением к благородству и совершенству, желанием стать как можно

³ *Tædium vitæ* (лат.) — скука жизни. — *Примеч. пер.*

ближе посредством творческого акта к *ens perfectissimum*¹.

Ценой, которую придется заплатить Западу (а вскоре, возможно, и всему мировому сообществу) за необузданную свободу нравов, полную открытость, недостаток норм и ценностей («все сойдет»), умственную, душевную и физическую распущенность, станет истощение творческих способностей и общее бессилие, неспособность возвыситься над пошлостью, непристойностью.

Современная культура, развивающаяся по существу в плебейском обществе, — это помешанный на безобразном и омерзительном ублюдок, порожденный бесстыдным обществом, в котором

женщины утратили или отвергли традиционную роль хранительниц стыдливости и целомудрия и таким образом перестали это общество облагораживать.

Смешение культур — проклятие, с неизбежностью несущее гибель высокой культуре. По сути, ее гибель уже наступила. То, что сегодня мы называем искусством, во всех его областях есть не что иное, как «низкая культура», бесхребетная и трусливая смесь. Высокая культура, может быть, и выживет — как воспоминание о былом, малый обломок прошлого, медленно разрушающийся сам либо истребляемый умышленно или по небрежению, как это было сделано американскими войсками в Ираке.